

Аркадий СОСНОВ

КАЗНИЛКА В ТЕХАСЕ

Городок приговоренных

Темнокожий громила в белой робе вызвался почистить мне ботинки. Подловил меня в вестибюле административного блока тюрьмы в Хантсвилле, штат Техас. Провокация? Чтобы первый русский журналист, допущенный в «смертный ряд» (death row) Техаса, проявил расистские замашки?..

— Парень просит, — развеял мои опасения начальник тюрьмы Брюс Талер. — Не обижайте отказом.

Пока я, забравшись на отполированный деревянный трон, размышлял о бренности бытия, мои поношенные бурые штиблеты — в цвет лица чистильщика — сравнялись с ним и по блеску. У него был целый арсенал пульверизаторов, кремов, щеток, тряпочек.

— Может, теперь уважаемый босс похлопчет, и меня выпустят, — дурашливо обратился он к Талеру. — Согласен перебраться в Россию.

— Устанешь надувать щеки, — хмыкнул «уважаемый».

— Тепло сейчас в России? — это уже ко мне.

— Да как сказать... градусов на тридцать холоднее, чем у вас.

— Уговорили. Остаюсь!

Позже я спросил Брюса, за что сидит чистильщик. «Убийство», — пожал плечами офицер. «Но ведет он себя довольно мирно». — «Поведение в тюрьме не говорит о тяжести проступка. Здесь кровавый злодей может преобразиться в ягненка, а мелкий воришка оказаться сушим дьяволом».

Смертный ряд в «Хантсвилл Юнит» — это 450 узников в очереди на казнь. Очередь движется медленно, в среднем восемь лет, заполненных апелляциями и кассациями, от вынесения до исполнения приговора, зато неумолимо. Демократия — это процедура, и в Америке доводят ее до совершенства на грани абсурда. Последний звонок — когда осужденного вносят в расписание на смертельную инъекцию (lethal injection), но если повезет с прошением на имя губернатора штата об отсрочке, «летальный укол» может быть отложен. Вопрос, надолго ли. Норма для Техаса — 30–40 казней в год — гораздо больше, чем в любом другом американском штате, — и столько же новобранцев ряда.

Смертная казнь для Штатов — вроде наследственного родимого пятна, для одних американцев предмет гордости, для других — негодования и стыда, неотъемлемая часть их истории с тех времен, когда пионеры колонизации вешали непокорных ин-

Аркадий Яковлевич Соснов родился в Ленинграде в 1948 году. Окончил Технологический институт им. Ленсовета. С 1976 года в профессиональной журналистике. Работал в газетах «Смена», «Московские новости», в журнале «Огонек», в «Литературной газете», учредил и редактировал альманах «Русский Меценат». Автор книг «Обретенная природа», «Калитка имени Алфёрова», «Дюжина недюжинных», «Сбывшиеся сны Натальи Петровны», сценариев телефильмов на социальные и научные темы. Лауреат премии Союза журналистов СССР. Живет в Санкт-Петербурге.

дейцев. Индейцы тоже не были пай-мальчиками, но, как писал Майн Рид, их жестокость диктовалась самим строем жизни. При этом формирующаяся правовая система Нового Света была гуманнее, чем ее прототип в старой доброй Англии. Скажем, согласно «Синим законам» штата Коннектикут, смертью карались до 14 видов преступлений, тогда как в Англии — 123. Великий «янки из Коннектикута» Марк Твен недаром назвал этот кодекс человечным, вспоминая юного милосердного короля Англии Эдуарда VI, который избавил от виселицы работягу, осужденного за поимку заблудившегося сокола, и женщину, укравшую кусок сукна. Но что характерно, чемпионом Америки по числу узаконенных убийств всегда был Техас.

Уже через несколько лет после того, как в 1972 году Верховный суд США объявил смертную казнь *жестоким и необычным наказанием*, противоречащим восьмой поправке Конституции, Техас и большинство других штатов вернулись к ней. Продолжили оптимизировать инструментарий и процесс. Если до 1924 года общепринятой казнью в Техасе было повешение и каждый округ штата сам приводил приговор в исполнение, то в дальнейшем смертников стали собирать в тюрьме Хантсвилла. Здесь с 1924-го по 1964 год на электрический стул (тоже американское изобретение, к которому приложил руку творец технического прогресса Томас Эдисон) был посажен 361 человек, а с 1977 года в качестве более прогрессивного способа применяют смертельную инъекцию.

Чем заняты люди, к которым неуклонно приближается маховик смерти? Они живут. Причем живут довольно сносно. Спят, едят, пьют чай, читают, некоторые заочно оканчивают колледж... Сушие агнцы! Недаром Америку так шокировала кассета, снятая в камере Ричарда Снэка, убийцы восьми молоденьких медсестер. Он признался, что нигде не проводил время веселее, чем в тюрьме: курил травку, слушал музыку, с помощью гормонов отрастил грудь и занимался самоудовлетворением... Смерть, как изрек Верховный суд США, — это другое. В смысле — переход в иное измерение. Смерть отличается от жизни сильнее, чем бессрочная каторга от суток лишения свободы.

За что Техас достоин уважения, так это за открытость. Она от сознания справедливости здешних законов и точности их исполнения. Это в Мэриленде мне запретили общаться со смертниками даже в присутствии комиссионера штата. Техасу нечего скрывать, тем более — бояться. Статистика смертного ряда? Извольте. Зайти в клетку к убийце? Встретиться с одним из тех, кто гонит волну в прессе как «политзаключенный»? Сделать фотографию, разумеется, если объект съемок не против? Пожалуйста, проход всюду. Только не задерживайтесь в спецблоке для самых злобных: могут плеснуть в лицо горячим чаем или мочой, покалечить куском мыла, завернутым в носок, или выстрелить из корпуса авторучки заостренным проволочным шипом.

Что ж, спасибо за гостеприимство, Техас!..

Хантсвилл, где мы так мило общались с чистильщиком сапог, — городок в 120 километрах от Хьюстона. И главная его достопримечательность не музей первого президента независимой республики Техас, впоследствии губернатора Сэма Хьюстона и не университет его имени, а крупнейшая в штате тюрьма с отделением для приговоренных к высшей мере. Многоярусный коридор, где содержатся те самые 450 узников в ожидании казни, это и есть «смертный ряд». С одной стороны — камеры-пеналы: кровать, столик, умывальник, унитаз. С другой, по эту сторону решетки — окна во двор и цветные телевизоры в простенках. Узники могут коротать время, сидя перед ними в наушниках. Три часа в сутки им разрешается провести вне камеры — комната отдыха, спортплощадка, душ — и обратно в клетку. Свидание — только с одним из десяти внесенных в список, через стекло и решетку — никакого физического контакта. Передачи — документы от юриста, канцтовары и книги — подлежат досмотру. Книги — не бо-

лее пяти в день — можно заказать и в тюремной библиотеке, продукты — в тюремном магазине, если родственники внесли деньги на ваш счет. Какая-никакая — это жизнь. Вплоть до роковой черты, которую можно попробовать отодвинуть.

Трудотерапия. Что это такое?

В отличие от других штатов, смертники Техаса работают — в швейной мастерской, например. Шьют спортивные сумки, бандажи для грузчиков и даже офицерские брюки, но только брюки, а не весь мундир — чтобы не воспользовались комплектом для побега. Выручка идет в бюджет тюрьмы. «Труженики» не получают ничего, но очень дорожат привилегией, сами следят за порядком. Мастерская — не камера: здесь просторно, светло, кондиционеры. В программе участвует около двухсот человек, она помогла снизить расходы на одного заключенного до 59 долларов в сутки — это тоже рекорд США.

— А не опасно вооружать убийц иглоками и ножницами?

— Мы «вооружаем» лишь тех, в ком уверены, — возразил Талер. — В принципе, входя в эти двери, вы уже рискуете. Зэки хитрые, и легко угодить в ловушку, несмотря на любые меры предосторожности. Лиц с неадекватным поведением мы изолируем в спецблоке. Но и в мастерской, случись что, в течение пяти секунд будут тридцать охранников.

Среди тех, кому так доверяет администрация, — Генри Лукас. Этот склонившийся над швейной машинкой крепыш — едва ли не самый мрачный серийный убийца США. Сразу и не скажешь! На основе его признаний — от которых он впоследствии отрекся — удалось раскрыть 266 убийств, что принесло ему национальную славу. Часть из них он не мог совершить физически, поскольку находился в другом месте. Видно, торговал чужими тайнами, чтобы путешествовать по судам за казенный счет. Зато в других случаях сообщал интимные подробности, известные лишь убийце. За одно из таких дел он и получил высшую меру (изнасиловал и задушил «вот этими руками», как показывал следствию, молодую женщину, а тело сбросил в дренажный колодец, где оно и было найдено, по описанию Лукаса).

В Хантсвилле Генри уже 13 лет и, как он сказал, чувствует себя в безопасности. Но сразу добавил, что у него «особые обстоятельства».

— Какие же?

— Я не при делах, они это знают, — забубнил смертник, не отрываясь от машинки. — Меня несправедливо обвинили, я все отрицал, но потом дал слабину и признался. Я жил в городке, где женщина исчезла. Но за мной кое-что было: рэкет, угон автомобиля, поэтому они за меня взялись. Если я и виновен, то в одном преступлении. Моя мать — говорят, я убил ее. Не помню, был пьян...

— О чем вы больше всего жалеете?

— О тех недоразумениях, что привели меня сюда. Но не жалею о своей борьбе с этой системой, — подпустил он напоследок туману и, насупившись, склонился над куском ткани.

Уже вернувшись в Россию, я узнал неожиданную новость: губернатор Техаса заменил Лукасу казнь пожизненным заключением. За примерное поведение?

При попытке к бегству. В небытие

Говоря о злодеях, ныне смиренных, как овечки, Талер наверняка имел в виду Джона Кокрама. Начальник его по-своему жалеет: если парня казнят, кто будет столь же усердно красить тюремные стены? Но Джон сам хочет уйти в лучший (как он полага-

ет) мир, поскольку ударился в религию. Он написал заявление с просьбой поскорее отправить его на тот свет. Таких здесь называют волонтерами. Адвокат Кокрама пытается отозвать эту бумагу: мол, клиент по неопытности ущемляет свои права, а нарушение дарующей их Конституции недопустимо, от кого бы оно ни исходило.

Джонни, с которым я разговаривал, сидя на кровати в его камере, это злит: защитник должен выражать его интересы, а он, Джон Вильям Кокрам, хочет умереть, и точка. Он изложил мне свою версию «преступления и наказания»:

— В девять лет я впервые попробовал наркотики. С четырнадцати начал регулярно колоться. Однажды в поисках денег вспомнил про одну женщину — у нее был магазин в деревне. Поехал к ней со своим приятелем, сказал, что у нас кончился бензин. Она знала меня и впустила в дом, ну а я... выстрелил ей в лоб, между глаз. У нее было пятнадцать сумок всякой всячины, я нашел деньги, взял и ушел. Назавтра меня схватили — сдал приятель.

Первые пять лет я был совсем плохим эком, дрался, день и ночь бредил наркотиками, добывал их и хотел еще. Тюрьма — как большой город, все можно достать за деньги. Потом сильно порезал соседа по камере. Он сам был виноват: работал в утреннюю смену, рано вставал и громко включал свое радио. Я пытался внушить ему, что это неправильно, но он только матерился. Не люблю, когда со мной так обращаются, вот и проучил его.

Тогда меня поместили в одиночку спецблока, и там я осознал себя рабом Божьим... В Библии сказано: кто убьет скотину, должен заплатить за нее, а кто убьет человека, того должно предать смерти. На этом я успокоился, перестал слать апелляции. А пока не настигла кара Божья, много читаю, в основном о христианском учении. И тот мой сосед тоже принял Господа, мы простили друг друга и молимся вместе.

— Твой адвокат пишет в суд, что семья просит сохранить тебе жизнь...

— Ерунда, он ищет разные причины, чтобы продолжить апелляционный процесс. Меня даже хотят представить ненормальным. Я говорю: о'кей, пригласите телевидение, побеседуем на любую тему, пусть зрители судят о моем уме.

Бдительные законники и в таком поведении ищут подвох. Несвобода, ожидание казни, муки раскаяния — тоже формы наказания преступника. Не потому ли суетятся волонтеры, что хотят улизнуть в небытие от расплаты по полной программе? Так или иначе, Джонни свой выбор сделал, и его просьбу уважили через полгода после нашей встречи принятым в Техасе методом смертельного укола...

Вообще-то, комплекс вины для Хантсвилла — редкость. Большинство узников считают себя невиновными или, как еще один мой здешний знакомый Роберт Уайт, просят о снисхождении. По официальным данным, на его совести убийство хозяина лавки и двух покупателей. Уайт с сообщником изрешетили их из ружья, украденного накануне из коллектора, владелец которого был заколот. Добыча грабителей составила 66 долларов... Мы разговаривали через решетку его камеры, он все переспрашивал и усмехался:

— Давно ли я в смертном ряду? Двадцать три года, достойно Книги рекордов Гиннеса. За что? Немного нарушил закон. Кто при этом пострадал? Многие... Надеюсь ли выйти отсюда? — Он перестал усмехаться. — Был бы рад выйти и повидать своих внуков. Что самое тяжелое в тюремной жизни? Что постепенно, шаг за шагом, я потерял семью. Женат ли я? Был. Кто навещает? Только друзья из моего городка. Дочка была в первый и последний раз пятнадцать лет назад. На что надеюсь? На Божью милость — Он следит за мной, иначе бы я здесь не выдержал столько лет. Самая большая радость? Это когда апелляционный суд вернул мое дело на новое рассмотрение — у меня гора свалилась с плеч. Но через полгода приговор был подтвержден. А что сейчас? Осталось одно утешение — просыпаться по утрам. Проснулся — значит, еще жив.

Роберт Уйат был казнен вскоре после нашего разговора.

Поистине, «иная жизнь страшнее смерти». Но сама возможность оттянуть расплату вызывает бурное возмущение вне тюремных стен. Слишком долго, слишком комфортно ждут своей участи убийцы, так в чем же тут наказание? — вопрошают родственники жертв Уайта и ему подобных. Для них потеря близкого человека невосполнима. Они требуют ужесточить и ускорить процедуру. Их утешит сознание, что злодей лишен жизни по принципу «око за око». И это лишь один из аспектов острой дискуссии вокруг института смертной казни в американском обществе. Нельзя не признать: убийца находится в привилегированном положении, ему позволено встречаться с женой и детьми, получать передачи и поздравления на Рождество, тогда как убитый покоится в сырой земле и его несчастные близкие до конца своих дней обречены нести тяжкий крест утраты.

Тюремный персонал, и его можно понять, настроен прагматично: пусть смотрят телевизор хоть 24 часа в сутки, тогда во время прогулки будут обсуждать трансляцию бейсбольного матча, а не план побега.

Но далеко не весь округ Харрис (куда входит и Хьюстон), чемпион США по числу смертных приговоров, так уж нетерпим к узникам. Я побывал в частной галерее Ларри Кроуфорда, где открылась выставка работ Элмера Хенли. Надо знать, кто такой Хенли. В 1970-е он участвовал в изощренном убийстве, по крайней мере 26 подростков и юношей, и заработал 99 лет тюрьмы — лишь потому, что смертная казнь на тот момент была заморожена. За решеткой этот изверг начал рисовать, о чем узнал предприимчивый Кроуфорд.

Его не смутили пикетчики — в основном родственники тех несчастных — с плакатами: «Повесить Хенли, а не его мазню!» На церемонии открытия выставки Ларри шутил, фотографировался с матерью и сестрой убийцы, а в беседе с залетным русским журналистом (то есть со мной), манерничая, объяснял, что оценивает произведения искусства как таковые, независимо от личности автора:

— Скажу вам больше, талантливый преступник мне интереснее, чем бездарная жертва. Будь критерием отбора личная порядочность художника, я вообще не провел бы ни одной выставки. Ха-ха-ха!

Но самое поразительное: бешеный коммерческий успех предприятия... В первые же два дня все картины были распроданы, и потребуй покупатель их немедленной доставки, экспозиция свернулась бы досрочно вовсе не из-за протеста пикетчиков. Коллеги из TBS кинулись брать интервью у покупателей, те клялись, что не оправдывают Хенли, просто используют шанс приобрести хорошее искусство. Не прикопаешься...

Я бы не утверждал, что у американцев напряженно с этикой, если бы не всплывшая в памяти история тоталитарной секты Чарли Мэнсона. Неважно, был он безбашенным психопатом или искусно притворялся, но этот идеолог насильственного приближения конца света сплотил свою «Семью» на крови, наркотиках, групповом сексе. Самой знаменитой жертвой секты стала 26-летняя актриса Шэрон Тейт, жена режиссера Романа Полански. Отморозки не пощадили ни беременную на девятом месяце актрису, ни ее друзей. А «гуру» Мэнсон, получивший вследствие моратория на смертную казнь в Калифорнии пожизненное, прославился: у него брали интервью, отмеченные премией «Эмми», ему посвящали фильмы и книги, он дожил до 83 лет...

Вот интересно, имела бы успех у нашего обывателя живопись Чикатило?

Убийца схвачен. Или назначен?

Исполнительницей убийства Шэрон Тейт был не Мэнсон, а некая Сьюзан «Сэди» Аткинс из его банды, которая нанесла жертве 16 ножевых ранений и хвасталась в ка-

мере, что пила ее кровь. Она тоже умерла в тюрьме своей смертью... Заслуживают ли женщины-убийцы снисхождения? Только не в Техасе.

В те дни, когда я изучал нравы Хантсвилла, в одном из судов штата проходили слушания по громкому делу Дарли Рутье. 27-летняя домохозяйка, порешившая двух сыновей, шести и пяти лет, была явно не в себе, за месяц до детоубийства она пыталась покончить с собой из-за финансовых проблем. Перед глазами суда был свежий пример: Сюзан Смит из Северной Каролины за аналогичное преступление получила пожизненный срок. Но... у Техаса своя система ценностей.

Прокурор Шерри Уоллес призвала присяжных не делать Рутье скидок как женщины: «Это не воскресит ребятишек. Я прошу вас проявить к ней ровно столько сострадания, сколько она — к несчастным малышам. Да, мы не можем вернуть этих мальчиков. Но мы должны показать нации, что Техас защищает своих детей. И каждый, кто навредит им, сполна почувствует силу наших законов». В довершение речи были показаны портреты двух улыбчивых мальчуганов, а потом их же увеличенные фото с многочисленными колотыми ранами. Рутье трясла головой и рыдала, старания адвоката были тщетны, его подзащитной вlepили смертную казнь как хладнокровной и злосердечной убийце, таящей угрозу для общества.

Эксперты полагали, что шансы Рутье на скорую смерть минимальны. Лишь одна надежда в истории штата высшая кара настигла представительницу слабого пола: в середине XIX века Чипиту Мартинес повесили за убийство торговца лошадьми. Но лед тронулся! Уже после процесса над Рутье была казнена одна из шести обитательниц тeхасского смертного ряда — Карла Такер (судя по ее «объективке» — злобная фурия), что вызвало протесты мировой общественности. Разумеется, Техасу было наплевать на мнение общественности, хоть бы и мировой. Просто подошла ее очередь в расписании.

Как убеждал меня начальник тюрьмы Брюс Талер, почему бы и нет, ведь нигде в законах штата не записано, что пол преступника служит смягчающим обстоятельством.

Брюс Талер подтянут и невозмутим, очки в тонкой оправе делают его лицо интеллигентным. Может, еще и поэтому (а не только потому, что тюрьма — как большой город) начальника называют мэром Хантсвилла.

— Техас, — рассуждал он, — всегда проявлял повышенную жесткость к преступникам. Здесь еще в середине XX века за сигарету с марихуаной можно было получить пожизненное заключение. Наши законы дают право родственникам жертв предлагать жюри присяжных меру наказания для преступника, позволяют казнить женщину и даже несовершеннолетнего (начиная с четырнадцати лет, если он осужден и отказался от апелляции, суд может придать ему статус взрослого). На практике эта мера не применялась, но она, как и сам институт смертной казни, дает эффект устрашения.

— По статистике, нигде в Америке наличие этого института не привело к снижению уровня преступности, — заметил я.

— Нигде, кроме Техаса, — парировал Талер. — По крайней мере, это профилактика от рецидивов: казненный больше уже никого не убьет.

В этих рассуждениях всего одно слабое звено: могут казнить невиновного. Гарантии от трагической ошибки нет, даже многоступенчатая система апелляций ее не дает! Кроме того, как отметила нынешний вице-президент США Камала Харрис еще в бытность прокурором города и округа Сан-Франциско, апелляционный процесс забирает миллионы долларов средств налогоплательщиков из программ по сдерживанию преступности. В Америке с 1973-го по 2015 год выпустили из камер со снятием обвинений 156 смертников. Часть из них была буквально стянута с плахи благодаря вмешательству компетентных адвокатов. Наверняка могло быть и больше. Просто бездоленным узником, «бытовиком» — а таких в смертном ряду большинство — они не по карману.

Но в Техасе, где еще гуляют ветры Дикого Запада, главенствует принцип: зло должно быть наказано. Гласно. Предметно. Без промедления. Даже если для этого убийцу придется назначить, как в случае с невинно осужденным Кларенсом Брэндли.

Подростка обвинили в потрясшем штат убийстве старшеклассницы во время школьных соревнований по волейболу. Местный рейнджер вел следствие с такими вопиющими нарушениями, что я перестал верить всем рейнджерам, включая героя Чака Норриса: грубый нажим на свидетелей, подмена показаний, подтасовка улик, — произвол, какой не встретишь и в заштатном райотделе нашей глубинки. И все для того, чтобы из четырех подозреваемых в злодействе избоблечь одного. А именно — «ниггера» (у жертвы была белая кожа). Возможно, влюбленный паренек ждал ее у дверей раздевалки. Увы... После четырехлетней отсидки Кларенс вышел на волю. Техасская Фемида, дважды (!) вынесшая ему смертный приговор, была посрамлена, но из дела непостижимо исчезли улики, способные избоблечь подлинного преступника. И не исключено, что как раз он еще кого-то убил.

Конверсия из смертника в политика

Гораздо сложнее казус Гэри Грэма — этот афроамериканец совершил серию дерзких преступлений, от которых поначалу не отказывался. Он был арестован по обвинению в убийстве белого в гараже, цепочка стала раскручиваться. Хуже всего для Грэма было то, что его опознал свидетель, чернокожая учительница, более того — противница смертной казни, что придавало особый вес ее показаниям. И еще более: она их упорно подтверждала, хотя пресса давила на нее и пыталась дискредитировать. Как она сказала: «Я ничем не могу помочь Гэри Грэму. Это его судьба».

Но Грэм бросил вызов судьбе и стране, объявив жертвой... себя, любимого. Жертвой преступной судебной системы, необъективного правосудия, расовой сегрегации — чего хотите. Вдохновленные успехом в деле Брэндли, противники смертной казни развернули национальную кампанию по его освобождению. Петиции в поддержку несчастного узника подписали Дэнни Гловер, Спайк Ли и другие голливудские селебритиз. Грэм обрел ореол мученика, почувствовал себя героем. Он изменил имя на Шака Санкофа, чтобы оттенить свои африканские корни, он установил связь с партией «Новые черные пантеры», он совершил конверсию из просто ээка в политического деятеля...

Однако действие равно противодействию. Организация «Справедливость для всех» начала не менее мощную кампанию за осуждение Грэма, в подробных пресс-релизах анализируя его преступления. А именно: в течение недели ограбил в разных местах тринадцать человек. Двоих ударил пистолетом, одному прострелил шею, еще одного сбил угнанной у него же машиной. Чудом спасшуюся женщину похитил, ограбил и держал у себя в течение пяти часов, насилия и повторяя: «Я уже убил троих и тебя убью».

Наверное, вряд ли стоило делать Грэма знаменем в борьбе за отмену смертной казни, но он органично вошел в образ страдальца за правду, понимая, что в этом его шанс. Нейтральные юристы объясняли: проблема не в том, виновен Грэм или нет, а в системе правосудия, основанной на расовых пережитках и неквалифицированной защите малоимущих. По статистике, доля афроамериканцев в населении США лишь 12 %, но они составляют 52,5 % обвиняемых в убийствах, 41 % приговоренных смертников и 34 % казненных с 1976 года. И случай Грэма вполне в русле этой диспропорции. Как оказалось, первый его адвокат до этого не помешал отправить на смерть двадцать своих клиентов. Но даже новый юрист не сразу поверил в невинность своего подзащитного и добивался смягчения, а не пересмотра приговора, пока Гэри не убедил его сменить тактику...

Грэм, с которым мы встретились в Хантсвилле, в комнате для свиданий блока «стро-го режима», рифмовал демократию с плутократией и обещал, выйдя на свободу, взяться за создание независимого государства на территории США. Он возмущался условиями содержания, тем, что заключенным не сообщают о посетителях и передачах. Администрация объясняла изоляцию Грэма просто: смутьян. Стоит ему оказаться среди других узников, начинает подбивать их к бунту. А я заметил еще один признак политика — он говорил о себе во множественном числе:

— Мы уверены в собственных силах, у нас хватает доказательств для освобождения. Мы готовы к новому процессу, так как прежний был фарсом коррумпированных судей. Хватит играть в игрушки смягчающих обстоятельств, мы добьемся признания нашей полной невиновности!

— Согласны, что показания учительницы сыграли в вашем деле роковую роль?

— Наши адвокаты доказали, что она не просто ошибается, а умышленно лжет.

— Вас обвиняют в том, что в семнадцатилетнем возрасте вы совершили серию преступлений, жертвами которых стали двадцать восемь человек. Это правда?

— Если речь о десяти кражах, то я провел достаточно времени за решеткой, чтобы искупить свою вину. С тех пор я очень изменился. Здесь, в смертном ряду, я стал выступать за права узников, против геноцида моего сорокамиллионного народа. Я возглавил новую политическую партию «Борьба за свободу». Единственный способ помочь моему народу обрести голос, покончить с вековым рабством — создать свое государство. Нас изолируют, лишают передач и свиданий с родными. Поэтому наша задача — новый процесс, с тем, чтобы нас услышал весь мир.

— Но параллельно ваши противники призывают наказать вас по всей строгости закона, вопреки мнению «голливудской тусовки».

— Нет смысла обращать внимание на противников. Надо продолжать борьбу и верить в победу.

Груз совершенных злодеяний перевесил: все апелляции адвокатов Грэма были отклонены, его поставили в расписание на казнь. Губернатор штата (будущий президент США) Джордж Буш-младший не прогнул под давлением влиятельных защитников пассионарного Гэри. Никогда еще вокруг тюрьмы Хантсвилла не было такого столпотворения, как в тот день: телевизионщики со своими фургонами, радикально настроенные активисты в лице «Новых черных пантер», поднявшие голову куклуксклановцы. Меня в той толпе уже не было, но позже в книге Мишель Лайонс, ставшей по долгу службы свидетельницей 280 казней в Хантсвилле, я прочел, что тюремщики все-рвез опасались, как бы узника не отбили его сторонники по дороге на lethal injection. Гэри Грэм был казнен в 2000 году. Его последнее слово, напоминавшее выступление на митинге, длилось 23 минуты. От судьбы не ушел.

Место лобное. По-своему удобное

Дорога на «укол» проходит среди живописных полей. В окно машины видно, как под присмотром конной стражи с автоматами и охотничьими псами рядовые эки возделывают хлопок — сырье для швейной мастерской. Как говорит мне старший менеджер тюрьмы Ларри Фитцджеральд (бывший диджей и радиожурналист — кого только не встретишь в американской пенитенциарной системе), у них и огороды свои, и ранчо, и самый большой табун лошадей в Техасе, а еще — коровы, свиньи, куры. Натуральное хозяйство позволяет прагматикам из Хантсвилла расширить меню и сократить дотации штата, в том числе — на процедуру казни.

В каждом из 27 убивающих штатов США (в остальных казнь не предусмотрена законом или заморожена) свой «обряд» высшей меры: электрический стул, смертельная инъекция, повешение, газовая камера и расстрел. Хорошенький набор!

К изыскам демократии относится право узника выбрать способ смерти. В столице Мэриленда Балтиморе мне рассказывали: осужденный предпочел газовую камеру, тем временем штат перешел на более гуманную, как считается, инъекцию. Но камеру не демонтировали до рассмотрения его апелляции: желание клиента — закон.

К слову, мне удалось проникнуть в эту душегубку. Вжимаясь в кресло, я с замиранием сердца думал: вдруг по ошибке дадут газ... Вдруг уже дали?.. Там и правда случился конфуз. Последняя из стальных дверей, ведущих в «зону палача», автоматически захлопнулась, и я в компании с дежурным офицером и комиссионером штата застрял на тесном пяточке, закрытом даже для тюремного персонала. Пока лейтенант перебирал связку из 30 ключей, отыскивая нужный, висела тягостная пауза. Когда нас наконец отомкнули, все облегченно засмеялись.

Техас, напомним, еще в 1977 году избрал для отъема жизнью смертельную инъекцию. Без вариантов!.. Ларри подрулил к приземистому корпусу, напоминающему нашу поликлинику, разве что «пациентов» сюда доставляют под конвоем, в ручных и ножных кандалах. У входа нас встречал «главврач» — дюжий лейтенант Крейг Фишер. Они-то с Ларри и посвятили меня в тайнства казни по-техасски.

Сразу по прибытии узника раздевают догола и обыскивают. Череду формальностей продолжает интервью на личные темы: о поручениях относительно имущества, денег на счету в магазине. В четыре часа пополудни заключенному приносят прощальный ужин. Он может сам заказать его, но не в ресторане, а в тюремной кухне. Типичный заказ: двойной чизбургер и жареный картофель.

— Как вы относитесь к своим клиентам? — спросил я Фишера, смутно надеясь уловить нотки жалости в ответе.

— Если честно, стараюсь не думать, что многие из них хуже диких зверей. Иначе можно довести себя до стресса, что помешает профессионально исполнить свой долг.

— А в чем состоит ваш долг?

— По возможности успокоить человека. Сделать все, чтобы он не отвлекался на суету и расстался с жизнью достойно. Ведь не зря эти просторные апартаменты занимает лишь один узник. Он содержится не в камере, а в комнате. В другой комнате беседует с духовником и адвокатом. Как-то нам предложили в один день казнить двоих, разместив их в разных концах коридора. Но мы не пошли на это: каждый посторонний звук нервировал бы одного из соседей...

Перед казнью в Техасе можно принять душ. Обычно от этого не отказываются. После чего предлагается смена одежды на выбор — чистая белая роба или гражданская одежда, тоже сшитая в тюрьме. Не верьте, что, выполняя последнее желание смертника, ему дают сигарету — это красивая легенда для кино. Штат Техас запрещает курить в госучреждениях, а блок казни, бесспорно, является таковым. Но можно помолиться — для мусульман даже припасен коврик.

Затем «пациента» приводят в «процедурный кабинет» и просят лечь. Если упирается — помогают. В голове лежащего располагаются священник и начальник тюрьмы либо его помощник. Обреченному дается последнее слово. Спич не бывает долгим. Просят прощения, ругаются, шепчут «Господи, помилуй». Один чудак пошутил: «Удачной охоты!» Но однажды обреченный завелся — с подачи адвоката, посулившего тридцатидневную отсрочку приговора. По закону штата казнь надлежало совершить от полуночи до рассвета. Наверное, адвокат сказал ему: болтай до утра, это твой последний шанс.

- И что же?! — спросил я.
- Бедолаги хватило на сорок пять минут, — развел руками Крейг.
- С тех пор начало процедуры передвинули на шесть часов вечера, — подхватил Ларри, — к удобству всех участников, и тех, кому еще добираться домой, и того, кто цепляется за соломинку. Раньше непросто было найти инстанцию, готовую «до упора» изучать возможность отсрочки казни, назначенной за полночь.

Членам Американской медицинской ассоциации запрещено участвовать в исполнении приговора. Эту миссию выполняют тюремные санитары. Они привязывают узника к столу, по обеим сторонам которого капельницы (на случай наркомана с исколотыми венами). Летальный раствор состоит из трех препаратов, чередуемых с инъекциями соленой воды. Сначала снотворное — очень сильное, погружающее чуть ли не в кому. Затем химикат, расслабляющий мышцы: легкие перестают работать, диафрагма — сокращаться, и человек буквально испускает дух. Наконец, третий компонент — для остановки сердца.

Без врача все же не обойтись: он констатирует смерть, стоя за стеклом. Процедура занимает не более двух минут и считается безболезненной. Разумеется, оппоненты развенчивают миф о «самой тихой» смерти. Достаточно неверной дозировки, и та же инъекция станет пыткой, например, когда сознание теплится, а легкие не дышат. Техника тоже подводит: во Флориде у посаженного на электрический стул вспыхнула голова. Но тамошний губернатор заявил, что стул надо сменить, а способ не вызывает нареканий. Брутальный расстрел в этом смысле гуманнее: собралась команда (стреляющий взвод), повесили приговоренному красную мишень на сердце, залп — и уноси готовенького.

Тюремные офицеры убеждали меня, что вероятность подобных инцидентов близка к нулю. И как бы то ни было, краткая заминка в казни простительна. Особенно если вспомнить, что порой преступный маньяк истязает жертву, режет на кусочки... Это сопоставление помогает понять суть происходящего в Хантсвилле. Признанный убийцей сам становится жертвой убийства. Но его лишает жизни государство, оно же цивилизованно обставляет ритуал. Даже если распятым на столе для инъекций окажется невиновный, вроде Кларенса Брэндли.

В зоне лысого орла

В Техасе на казни преступника разрешено присутствовать родственникам его жертвы. Зачем? Для них это финал страшной драмы, к их непреходящей тоске примешивается странное облегчение. Психологи допускают, что лишь с выдохом «Кончено!» соглядатай может вернуться из скорбной прострации к жизни. Пойти на могилу члена семьи и сказать: «Знай, мы за тебя отомстили»...

В Хьюстоне есть организация «Родители убитых детей». Она, как ни печально, пополняется. Люди, которых сблизило горе, собираются раз в месяц, приносят фотографии детей. Ищут сочувствия в общении друг с другом и — находят. Линда Келли (ее 26-летний сын Марк и 20-летняя дочь Кейра были убиты грабителями в хьюстонском ломбарде) призналась мне, что не ждет утешения даже от близких родственников. Напротив, те пытаются ее образумить: «Марк и Кейра ушли, к чему бередить душу воспоминаниями». Такое отношение ранит ее, словно их не было вовсе, но они же были. Были! Вот почему она не пропускает эти встречи.

Линда присутствовала на казни одного из убийц своих детей (второй отбывает пожизненный срок) и считает, что ему досталась слишком легкая смерть по сравнению

с той — внезапной, мучительной, — которая выпала Марку и Кейре. Она говорила нараспев, жалобно, но без слез:

— Им не дано было попрощаться с семьей, сказать нам последнее слово. Марк оставил двоих ребятишек без отцовской заботы и ласки. А Кейра была так молода, и она никогда не станет матерью, а я — бабушкой ее детей. Мне их не нянчить, мы не поедем в Диснейленд, не отпразднуем Рождество... Глядя, как отнимают жизнь у этого подонка, я радовалась, что его не будет на Земле, и ненавидела снова: он навсегда осиротил нашу семью.

Я осторожно спросил, не боится ли она, что казнь, то есть ответное насилие, поведет к ужесточению нравов в Техасе. Линда поняла почти буквально:

— Теперь я никого не боюсь и не хочу вооружаться. Моя боль — это укор правительству и обществу: думайте о нас, жертвах преступлений, хоть чуточку больше, чем о правах преступников. И пусть, как учит Библия, насилие нечестивых обрушится на них.

...На обратном пути из корпуса, где отнимают жизнь, Ларри не без гордости сообщил, что на территории тюрьмы есть несколько гнезд лысого орла. Жаль, не довелось посмотреть, этот красивый хищник — национальный символ США. Он питается рыбой, но не брезгает падалью, вскармливают до трех птенцов, не лишая слабого пищи. Зато я изнутри увидел Хантсвилл — символ страны, которая ведет выбраковку своих заблудших сограждан.

P. S. «Вешать нужно только отъявленных негодяев. Но отъявленных негодяев нужно обязательно вешать», — сказал, как отрезал, герой «Омерзительной восьмерки» Квентина Тарантино. Действие фильма происходит в штате Вайоминг вскоре после Гражданской войны, Легендарный охотник за головами Джон Рут по кличке Вешатель конвоирует закоренелую преступницу, чтобы предать ее публичной казни. В попутчики к Руту набивается еще один ловец «беззаконников» со своей уже мертвой добычей (три трупа привязаны к крыше повозки). Когда же выясняется, что довести этот груз до городка невозможно, эти борцы за справедливость сооружают виселицу и казнят женщину прямо в таверне, где их застала снежная буря. Вот с каких времен у американцев неистребимая тяга покарать преступника раз и навсегда. Но сегодня нравы заметно смягчились. В том же Вайоминге в XXI веке казнен лишь один человек, а другой проходит десятый круг апелляции.

Есть признаки того, что и Техас теряет аппетит к смертной казни: начиная с 2000 года, когда летально укололи 40 человек, этот показатель неуклонно снижается. Правда, последний опрос в штате показал, что 74 % жителей поддерживают высшую меру, поэтому надеяться на ее скорую отмену не стоит: по мнению подавляющего большинства граждан, с «отъявленными негодяями» иначе нельзя.

А теперь сверим часы: согласно опросу, проведенному в октябре 2019 года, 69 % россиян считают, что за некоторые преступления следует приговаривать к смертной казни и более половины (52 %) вернули бы ее в российскую практику. В 2021-м глава госкорпорации «Роскосмос» призвал расстреливать за коррупцию в оборонке (вероятно, это проще, чем наладить эффективную работу в отрасли). Вслед за ним законодотворцы предложили ужесточить до лишения жизни наказание для педофилов, а бывший президент страны — вернуть смертную казнь «для опаснейших преступников»... В обществе явно растет запрос на узаконенное убийство.

Что ж, с отменой моратория на смертную казнь в России мы получим примерно тот же букет проблем, что и американцы. Нам это нужно?